

34. Там же. - С.129
35. Шершов А.П. К истории военного кораблестроения.-М.:Вонмориздат,1952.- С.333
36. Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф. Эскадренный миноносец «Новик».-Л.:Судостроение,1981.- С.27
37. Там же. - С.27
38. Там же. - С.28
39. Чернышев И. Первый в своем роде // Моделист-Конструктор.-1976.-№1.- С.33
40. Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф. Эскадренный миноносец «Новик».-Л.:Судостроение.- С.77
41. Там же. - С.119
42. Трусов Г.М. Подводные лодки в русском и советском флоте.-Л.:Судостроение,1963.- С.148
43. Там же. - С.150
44. Залесский Н.А. «Краб» - первый в мире подводный загарадитель.-Л.:Судостроение,1988.- С.30-31
45. Шершов А.П. К истории военного кораблестроения.-М.:Военмориздат,1952.- С.342
46. Шаццлло К.Ф. Русский империализм и развитие флота.-М.:Наука,1968.- С.247
47. Трусов Г.М. Подводные лодки в русском и советском флоте.-Л.:Судостроение,1963.- С.237
48. Там же. -С.241
49. Смирнов Г., Смирнов Вит. Носители противоминного оружия // Моделист-Конструктор.-1989.-№8.- С.15
50. Смирнов Г., Смирнов В. «Пэнэй», «Мито», «Циндао» и другие // Моделист-Конструктор.-1985.-№7.- С.16
51. Шершов А.П. К истории военного кораблестроения.-М.:Военмориздат,1952.- С.344-345
52. Лемачко Б.В., Яровой В.В. Краткий очерк деятельности Русского общества пароходства и торговли // Гангут.-вып.2.-СПб.:Гангут,1991.- С.83

Масаев М.В.

О КРЫМСКОТАТАРСКОМ НАСЕЛЕНИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Актуальность обращения к указанной проблеме объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, 14 сентября 2004 года исполняется 150 лет со дня начала военных действий в Крыму в исследуемый период. Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что степень разработанности вопроса о положении крымскотатарского населения в период Восточной войны ещё, на наш взгляд, недостаточна.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые предпринимается попытка анализа, обобщения и систематизации данных относительно положения крымскотатарского населения в Крымскую войну. А поскольку собранные данные являются такими, степень достоверности которых весьма велика, это поможет в дальнейшем другим исследователям более объективно и масштабно взглянуть на сложные и противоречивые процессы, происходившие в крымскотатарской среде в указанный хронологический отрезок.

Надо подчеркнуть, что в последние годы исследователи и публицисты, особенно в Крыму, посвятили много работ относительно частных вопросов Восточной войны. Среди них можно выделить таких как А. Г. Кожекин [2; 3], В. Н. Гуркович [4; 5; 6], В. К. Гарагула [7], Л. Н. Вьюницкая [8], А. В. Мальгин [9], А. Неживой [10], В. Рябчиков [11, 12], В. Е. Поляков [13], Кружко Л. П. [14], Т. Хриенко [15], Л. В. Гурбова [16; 17], П. М. Ляшук [18], Р. Куртиев [19], Х. Кырымлы [20] и многих других. Однако, настоящая проблема по-прежнему далека от разрешения.

Начнём с общей характеристики населения Таврической губернии, которую даёт А. И. Маркевич: «Настроение населения губернии перед войной было очень твёрдо, приподнято, что выразилось прежде всего в радушной повсеместной встрече вступающих в пределы губернии войск и делаемых в их пользу пожертвований» [1 с. 9]. «Ещё в конце ноября 1853 г., - продолжает А. И. Маркевич, - симферопольское купеческое общество изъявило желание встретить вступающие сюда войска, по русскому обычаю, с хлебом и солью. Затем губернатор Пестель обратился и к другим городам с выражением желания подобной встречи. И, действительно, радушна была встреча войск в Карасубазаре всеми элементами населения, в том числе армянами и татарами. ... Татары в прибрежных селениях везде радушно встречали казаков, особенно в д. Дереккой Ялтинского и д. Кутлак Феодосийского уезда. ... Большое радушие обнаружили и ногайцы деревень Кильчик и Мустапой. То же было и в Перекопе. Государственные крестьяне – татары Перекопского и Евпаторийского округов сделали пожертвования деньгами, хлебом и скотом на 3700 р. Кроме того татары деревень Айбар и Трех-Аблам пожертвовали улучшенною пищею на 7000 р. Татары полуострова изъявляли единодушное согласие на пожертвование для улучшения пищи в пути и удобств в ночлегах проходящих войск. ... На границе Симферопольского уезда, в д. Сарабуз, жители встречали войска хлебом-солью, чаркой водки, иногда обедом. Кадий Сеит Абдулла-эфенди особенно много потрудился при этом. Он пригласил магометанское духовенство Симферопольского уезда, не участвовавшее в натуральной повинности, к пожертвованиям, и было выставлено 460 подвод. Каралезский помещик мурза Карашайский пожертвовал 100 сажень трёх-поленных дров. ... В Днепровском уезде также сказывалось радушие и производилась доставка провианта, несмотря на затруднительные пути и бескормицу. Татары и ногайцы этого уезда, начиная от Сары-Булата до Перекопа, довольствовались войска хорошей пищею. ... В Евпатории общество татар 8 апреля 1854 г. угощало водкой 3 батарею 14 артиллерийской бригады. ... По тракту от Перекопа до Керчи татары оказывали войскам особенное радушие. Необыкновенное усердие и даже самоотвержение высказали при переправе № 4 и № 5 легких батарей у Мелитополя государственные крестьяне ногайцы: Единохтский сельский писарь Байтемир Кабардинов и жители того же аула Ислям Газы Шаманаев, Койлубай Сеит-оглу и Джилькайдар Маультеев, которые в продолжение целого дня, в свирепый ветер и холод, не выходили из воды, служа проводниками при следовании этих батарей по глубокой воде на протяжении более полуверсты» [1, с. 9-12]. В этом контексте весьма уместным является приведённый А. И. Маркевичем фрагмент послания

губернатора В. И. Пестеля князю А. С. Меншикову от 12 мая 1854 г.: «Считаю приятнейшим для себя долгом довести до сведения Вашей Светлости, что жители всех мест, через которые проходили войска, забыв различное свое происхождение, слились в одну русскую семью для встречи, провода и угощения войск. Дворянство, купечество, граждане, государственные крестьяне, русские, ногайцы, колонисты-немцы побеждали друг друга избытком радушия и готовности содействовать к удобнейшему следованию войск. Смею думать, что Таврическая губерния, несмотря на свою разноплеменность, и в этом случае, как и во всех других, где дело идёт о любви и преданности к Престолу и Отечеству, не отстала от чисто русских губерний России» [1, с. 12-13].

Таким образом, анализируя приводимые А. И. Маркевичем данные, необходимо сделать вывод, что в самом начале войны крымскотатарское население проявляло лояльность по отношению к российской власти губернии и прибывающим российским войскам. Между тем, далее А. И. Меркевич заметил: «Но вскоре события показали, что не все элементы населения Тавриды благонадежны. Это обнаружила высадка неприятеля в Евпатории и происшествия, последовавшие за нею в Евпаторийском уезде» [1, с. 13].

Какие же события произошли в Евпатории, что позволило исследователю сделать такой вывод? Ответ на этот вопрос даёт второй раздел труда А. И. Маркевича, озаглавленный следующим образом: «Занятие неприятелем Евпатории. Возмущение татар в Евпаторийском уезде. Перевозка дел присутственных мест из Евпатории» [с. 13-18].

Уже в самом заголовке раздела можно в целях предстоящего анализа вычленить фразу, касающуюся предмета данной работы, а именно – «возмущение татар в Евпаторийском уезде». Уже это однозначно говорит о том, что с крымскотатарским населением происходит нечто, что меняет их первоначальную позицию, лояльную по отношению к российской власти.

В Евпатории же в это время происходило следующее: 1 сентября 1854 г. в 8 часов утра возле Евпатории показался флот союзных войск [1, с.13], который имел, как известно, явно недружественную позицию по отношению к России.

Уже 4 сентября частный евпаторийский пристав Шаццо доносил губернатору о занятии войсками союзной антироссийской коалиции Евпатории, сообщая при этом сведения, характеризующие позицию определённой части крымскотатарского населения: «...При выходе неприятельских войск на берег был один турецкий паша, и татары при встрече его, как говорят многие из обывателей, приветствовали его криком «ура!»...» [1, с. 14].

Далее А. И. Маркевич приводит также другие интересные данные: «7 сентября письмоводитель Евпаторийского городского полицейского управления Лихошерстов доносил Пестелю, что после того как он ушел из Евпатории к семейству своему в имение Раковых при д. Майрык, 5 числа вечером туда приехали два татарина, поселяне д. Тузлы Евпаторийского уезда, Аблез Кадыричны-оглу и Ибрам Абдулкадыр-оглу, которые говорили, что посланы англичанами забирать у русских помещиков весь скот.... 6 числа Евпаторийский исправник граф Мамуна сообщил губернатору о замеченной им значительной перемене в настроении татар в пользу неприятеля. ... Некоторые из татар в угождение неприятелю приняли на себя обязанность за условное вознаграждение выдавать чиновников в руки неприятеля, разыскивая их по уезду, даже в отдаленных деревнях не давали исправнику лошадей под разными, совершенно ложными предложениями. «Наконец, видя с одной стороны явное неповиновение татар, а с другой распоряжение уже неприятеля во вверенном мне уезде, допущенное с явным содействием татар разного сословия, чего остановить нельзя без военной силы, я счёл нужным оставить уезд и присоединиться к земским судом в г. Перекоп». Здесь исправник Мамуна ожидал распоряжений губернатора» [1, 15-16].

Интерес представляет также донесение Евпаторийского стряпчего Архипова от 7 сентября на имя губернского прокурора, где в числе прочей информации А. И. Маркевичем приводятся такие данные: «...Проезжая по Евпаторийскому уезду, он (Архипов – М. М.) заметил среди татар «народное возмущение» и неповиновение властям» [1, с. 16]. Нападению «взбунтовавшихся татар» подвергся также Евпаторийский судья Стойкович; «Ночью с 4 на 5 сентября в д. Бейбулат госпожи Фесенковой, где он остановился с семейством, произошло нападение взбунтовавшихся татар, причём дела и книги уездного суда были разбиты и почти все уничтожены. Сам Стойкович был избит, взят в плен и увезен в Евпаторию. Только остатки дел и книг евпаторийского уездного суда, уцелевшие от грабежа возмущившихся татар, были найдены потом в Армянском Базаре...» [1, с. 16-17].

К данным, приводимым А. И. Маркевичем по Евпаторийскому уезду, можно добавить обнаруженные в ГААРК перспективным молодым учёным М. В. Сухаревым (которому автор приносит огромную благодарность за возможность ознакомления с материалом – М. М.) данные о разграблении сочувствовавшими войскам союзников местными татарами Захарья-Елизаветинской церкви в помещицком селении Ак-Мечеть Евпаторийского уезда, которое принадлежало князю М. С. Воронцову [24, л. 12].

Второй раздел своего обширного труда о Таврической губернии во время Крымской войны А. И. Маркевич завершает приведением следующих данных, касающихся крымскотатарского населения:

«2 сентября татары задержали в Кара-Чора-Молла дворянского заседателя Комаровского и не пустили в Перекоп под угрозой смерти. Вооружённые ружьями, они разъезжали в большом числе по всем дорогам и говорили, что **поступили на службу к своему султану** (выделено нами – М. М.). Один из них был в Евпатории десятским при городской полиции. «Вспомянутые наездники, - доносил Комаровский, нагло требовали от меня себе угощения, отправились в дома деревенских татар неизвестно для каких разговоров или совещаний, а после выезда их татары объявили мне, что им приказано меня не пускать из деревни. Спустя несколько часов явился житель д. Каймачи Осман-бай, а вслед за ним человек тридцать татар, частью вооружённых. Эта шайка состояла под предводительством евпаторийского мещанина слесаря Суина, который, сводя несколько раз курок пистолета против меня, показывал тем, что имеет полную власть над моей жизнью и, подтверждая мне не выезжать из деревни, приказал татарам шайки забрать всех без исключения упряжных моих лошадей. После чего, а особенно по случаю повсеместного

возмущения татар в Евпаторийском уезде, а также был каждодневно впоследствии подвержен унижению, угрозам и насилию от шатавшихся по уезду татар, я решительно не имел возможности не только пробраться в Перекоп, но и сделать о себе донесение начальству. 5 или 6 числа узнал от жителей Кара-Чора-Молла, что уездный судья Стойкович взят татарами в плен и отвезен в Евпаторию, что имение его разграблено, постройки разрушены, и находившиеся там дела уездного суда уничтожены. После того мне приказано было явиться в Евпаторию, где я за спасение и существование свое и семейства внес турецкому чиновнику 60 р., видел под караулом Стойковича». С приходом в Евпаторийский уезд уланской дивизии Комаровский получил свободу и занялся в имении Фесенко с чиновником Поликарповым собиранием оставшихся бумаг и дел.

Другой дворянский заседатель Гензель скрытно, чтобы не быть захваченным татарами, пробираясь менее опасными местами, добрался 8 сентября до Перекопа» [1, с. 17-18].

Третий раздел работы А. И. Маркевича также содержит информацию о крымскотатарском населении.

Так, уже в начале раздела исследователь подчёркивает, что жителей Симферополя «очень смуглили» известия о мятеже евпаторийских татар. К тому же «пошли в Евпаторийском уезде грабежи имений русских помещиков и нападения буйными толпами на проезжающих до самого Армянского Базара. Между прочим большое имение генеральши Поповой Караджа в Евпаторийском уезде было совершенно разграблено татарами. Они отняли весь рогатый скот, овец и лошадей, забрали весь хлеб урожая двух лет, смолоченный в амбарах и немолоченный в скирдах, разорили виноградный и фруктовый сад, рыбный завод, разграбили имущество, мебель, серебро. Убытку было сделано свыше чем на 17000 р. 4 сентября было разграблено татарами имение Аджи-Байчи, а владелец Весинский с братом отведены в Евпаторию [1, с. 18].

«Исправляющий должность» ялтинского уездного стряпчего Щербак 17 сентября доносил прокурору в числе прочего: «Слухи носятся, что тамошние татары начали заниматься грабежом, а 16 сентября доставлен в Ялту из Байдарского поста раненый татарами донской казак». Прокурор же, в свою очередь, доносил министру юстиции, что, «как видно из поступающих сведений, некоторые из крымских татар в местах, занятых неприятелем, поступают предательски, доставляя во враждебный стан на своих подводах фураж, пригоняя туда для продовольствия стада овец и рогатого скота, похищаемые насильственно в помещичьих экономиях, указывают неприятелю местности, предаются грабежу и вооруженной рукой противостоят нашим казакам. У некоторых татар Евпаторийского уезда отыскано оружие...» [1, с. 21].

22 сентября в Ялте появились 10 пароходов войск англо-франко-турецкой коалиции «и до 1000 человек неприятелей пошли по домам и преимущественно по присутственным местам, следуя указанию татар (выделено нами – М. М.), и начали грабить казенное и частное имущество...» [1, с. 21]. А. И. Маркевич пишет: «После ухода неприятеля тотчас возвратились в город земский исправник и городничий и занялись разысканием – первый татар, способствовавший неприятелю, а второй – разграбленных жителями вещей после ухода неприятеля, причём несколько человек взято было под стражу. Между прочим, два татарина деревни Дереккой, по словам исправника, отправлялись с 20 другими татарами в стан турецкого паши для совещания и, возвратясь, неизвестно куда бежали. В народе шла молва о злоумышленных татар Ялтинского уезда» [1, с. 22].

Весьма интересны приводимые А. И. Маркевичем данные после событий, связанных с захватом войсками антироссийской коалиции Керчи: «После занятия неприятелем Керчи и отступления наших войск из д. Аргин, смотрителем Керченских и Феодосийских озер оставлены были при озерах Чокракском и Элкенском, за выездом чиновников, по два объездчика для охраны соли и всего казенного имущества. 14 мая приехали к Чокракскому озеру татары из ближайших деревень: Мама, Мисырь и Чокрак-Бабчик, причинили служителям побой, разломали сундуки, шкафы и кладовые служащих и, ограбив их имущество, произвели грабеж казенного имущества. Жители – татары ближайших деревень отложились к неприятелю. ...» [1, с. 24-25].

Достаточно интересны также сведения, связанные с вторжением войск антироссийской коалиции в Байдарскую долину: «22 мая утром неприятельские войска, пехота и кавалерия в большой силе вторглись в Байдарскую долину и доходили до Байдарских ворот, в д. Байдары взяли в плен несколько живших там христиан, а имущество их разграбили. По сведениям исправника, жену купца Пасхали **спас от плена байдарский татарин** (выделено нами – М. М.), переодев её в татарское платье. Она объявила потом, что среди неприятелей заметила бежавшего из Байдар в 1854 г. татарина, который был теперь у неприятеля вожатым. Он говорил, что неприятели скоро придут снова и пойдут через Ялту в Симферополь, татар убеждали уйти из Байдар к неприятелю, но они будто бы отвечали: «Что там будем кушать? Как оставить свое имущество?» [1, с. 25]. Известно, что с «21 июня до конца месяца ежедневно производился обстрел Геническа и тамошних батарей; неприятель пытался высадиться в Геническе, а 26 – в Бердянске, но был отбит казаками. При этом были заподозрены в сношениях с неприятелем некоторые татары, жители Бердянска и Бердянского уезда» [1, с. 26].

Крымские татары, отмечал А. И. Маркевич, неоднократно выступали проводниками войск антироссийской коалиции: «25 июня целый эскадрон французской кавалерии был в Мшатке, 2 июля снова. Отсюда французы, числом в 140 человек, с двумя пушками под начальством генерала отправились в имение графа Перовского Мелас. Провожатыми были татары. ...6 июля французы пытались высадиться в Мухалатской бухте, но казаки вовремя открыли огонь. В то же время французы постоянно съезжали на берег за вином, обобрали имения князя Голицына (Форос), Перовского, графа Куселева-Безбородко и др. Проводниками везде были байдарские татары. ...» [1, с. 26-27].

Патриарх крымского исторического краеведения приводит также следующие факты: «18 июля имение графа Перовского Мелас, Сабурова – Ай-Юри и Куселева-Безбородко – Мшатка были разграблены неприятелем. Мухалатские татары имения Шатилова держали в это время цепь и следили за казаками. Русское население говорило, что мухалаткинские, мшатские и форосские татары совершенно передались

неприятелю и семейства свои отправляют в Байдары.» [1, с. 27].

В четвёртом разделе работы А. И. Маркевича также можно найти немало сведений относящихся к положению крымскотатарского населения в годы Крымской войны. Так, раздел начинается следующим замечанием:

«Как возмущение татар в Евпаторийском уезде, так и неблагонадежные их действия в других уездах, особенно Ялтинском, не могли быть неожиданными для гражданских и военных властей.

Ещё до начала военных действий в Крыму настроение татар во многих местах губернии было ненадежно. Они находились в постоянных сношениях с турками и говорили, что придут французы и восстаноят господство ислама в Крыму. Всех подозрительных жителей края, в том числе и татар, было предписано выселять на жительство в Курскую и другие губернии. Жителям же татарам предложено через волостных голов, сельских писарей и даже чиновников губернатора сохранять тишину и спокойствие под угрозой высылки. Почетнейшие люди каждой деревни давали поручительства за свои общества и подписки в том, что будут иметь бдительный и строгий надзор за своими единоверцами, чтобы в их деревнях спокойствие не было нарушаемо, с тем, что если кого-либо заметят в дурном поведении, то тотчас же обязываются довести об этом до сведения полицейской власти. Состоящие у общества на дурном счету, за воровство, буйство и более крупные уголовные преступления и т.п., были указаны, как такие люди, за которых они не ручаются.

В начале военных действий неблагонамеренность татарского населения стала очевиднее. Несколько татар были захвачены казаками вблизи расположения неприятеля. Насилия, производившиеся войсками, усиливали нерасположение татар. Они кричали: «Уходите, спасайтесь! Солдаты жгут, грабят, режут!» ...» [1, с. 29-30].

В этом контексте показательно также замечание Н. Ф. Дубровина: «После того брожения умов, которое проявилось между татарами в зиму 1853-1854 годов, англо-французы считали восстание их против русского правительства весьма вероятным. Надежда на это восстание была одною из причин, почему союзники решились произвести высадку без всяких перевязочных средств, надеясь найти, их на месте. ... Волнение между татарами проявилось гораздо ранее высадки неприятеля: оно стало замечаться с первых дней по объявлении войны Турции. Местные власти, приписывая причину брожения умов близости театра военных действий, находили естественным, что татары не остаются равнодушными к тем событиям, в которых принимают участие турки, их единоверцы; лица же высшей правительственной власти думали об этом несколько иначе. Смотри на сходки и совещания татар; на их сочувствие туркам и на враждебное настроение против всего христианского населения края, они признавали необходимым установить над всем магометанским населением самый бдительный надзор. ...» [21, с. 63-64]. «Замкнувшись в кругу своих единоверцев, подчёркивал Н. Ф. Дубровин, - татары продолжали устраивать сходки и совещания, тщательно скрывая их от христианского населения. Скоро среди магометан стали появляться эмисары, частью подосланные турками, частью туземные жители, возвратившиеся из Мекки, побывавшие в Константинополе, получившие там приличное наставление, снабженные воззваниями и множеством обещаний турок, щедро суливших татарам улучшение их положения и соединение с правоверными. ...» [21, с. 65].

Впрочем, известны также два очень интересных документа, которые приведены в таком известном издании как «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя» [23]. Первый – постановление Таврического магометанского духовного правления от 6 октября и второй – прошение депутатов «ногайского племени» от 12 октября 1854 года.

В первом документе говорится следующее: «...до сведения их дошло, что из числа магометан, в таврической губернии находящихся, принявших присягу Государю Императору России на верность подданства их, некоторые стали нарушать таковую и возмущаться противу данной ими присяги и правительства, так как многие якобы уже передались неприятелю, прибывшему в пределы России в город Эвпаторию.

Нарушение присяги строго воспрещается, как российским, так равно и магометанским законами, ибо, в последнем, в книги Викие сказано: Если мусульмане возмутятся противу Государя и правительства, то, узнав о том, объявить им, чтобы они оставили свою злоумышленность и не надеялись на вражескую силу, обещая за эти преступления подвергать их наказанию, уверяя в том их; если же после того те самыя лица, собравшись опять в одном месте, не оставят свои злоумышленности, то, в таком случае, подвергать их смертной казни...» [23, с. 17-18].

В другом документе можно прочесть следующее: «...Мы, нижеподписавшиеся начальники и депутаты народа ногайского...уполномочены объявить высшему начальству следующее: Что, находясь более 70 лет под скипетром Великих Государей России, ногайцы чувствуют себя вполне счастливыми своим положением, и, желая доказать свою благодарность и признательность свою за благодетельныя попечения правительства, а вместе с тем показать, сколь чужды они от тех неблагонамеренных и неблагодарных крымских татар, которые оказывали дружеское расположение врагам России, единогласно решили назначить нас депутатами и убедительнейше просить начальство принять отдоваривших нам ногайских обществ следующее:...(далее идёт список пожертвований – М. М.). ...В заключение общества поручают нам объявить начальству, что они к жертвуемым подводам не назначают погонщиков по той причине, дабы принадлежащие им ногайцы не имели никакого отношения с крымскими неблагонадежными татарами и не слушали их легкомысленных и вредных суждений, так как все члены ногайских обществ клятвенно один за другаго ручаются ныне в верности их престолу и отечеству...» [23, с. 19-20].

В работе «История Крымской войны и обороны Севастополя» [22] Н. Ф. Дубровин в частности так описывает обстоятельства, связанные с захватом Керчи войсками антироссийской коалиции: «Не думая о движении вперёд, союзники заботились об обеспечении своего положения в Керчи постройкою укреплений и, не принимая в течение нескольких дней никаких мер к сохранению порядка в городе, предоставили его на разграбление мародерам. ... К ним присоединились турецкие мародеры и ушедшие

тайком солдаты экспедиционного корпуса. Вместе с татарами, они ворвались в институтскую церковь, унесли облачение, серебряное кадило, дискос и даже медные кресты. Сняв с престола одеяние, мародеры опрокинули его, думая найти под ним все церковное богатство. По ночам татары воровали скот и отгоняли его в лагерь, для продажи. Узнавши, что многие из жителей окрестных селений таким способом составили себе значительные стада, союзники послали команды, отобрали скот у татар и в одну ночь отправили более четырехсот голов в Севастополь. Во всем городе Керчи и его предместьях осталось не более двенадцати коров, и то спрятанных в скрытых местах. ...» [22, с. 178].

«Враждебное настроение татарского населения, - подчёркивал А. И. Маркевич, - не прекращалось во все время войны. Так, командир гренадерского корпуса генерал-адъютант Плаутин в сентябре 1855 г. заметил, по сообщению чиновника Завадовского, что татары в Евпаторийском уезде при передвижении войск, в местах расположения их и при каждой перемене позиции, разъезжают верхом с таким видом, который навлекает на них подозрение. На основании этого заявления обращено было на это обстоятельство внимание окружного начальника, который строгойше подтвердил волостным правления подтвердить всем татарам ни пешими ни конными ни под каким видом не являться в места расположения войск; если встретится в этом кому-нибудь надобность, то имели бы в этом удостоверение. ...»

Были арестованы и некоторые татары высшего звания, например, Осман бей Кекуатский и Султан Гирей Чолбашев. Над Джан-Гиреем и Осман-Гиреем (жители д. Камышлыка) был установлен надзор. Был выслан в Екатеринослав за возмущение татар Мурза Темирша Бораганский.» [1, с. 31].

А. И. Маркевич также отмечал, что было поймано много татар, «служивших неприятелю в качестве разведчиков и проводников, из д. д. Узенбашчик, Бага (Байдарской волости), Ай-Годор, Бахчисарая и др. Сношения с неприятелем и другие преступные замыслы обнаружены были и среди никитских татар» [1, с. 32].

Известно также, что «Проживавший в д. Камышлы Феодосийского уезда духовного звания Абдул Ваап Челеби открыл губернатору в начале 1855 г. «секрет», за что получил 50 р., именно представил письмо от некоего Сеит Абдулла из Керчи к хатипу д. Камышлы Суину эфенди. По содержанию письма установлен был надзор за несколькими татарами, родственниками упомянутого хатипа, а также за Мусою мурзою Ширинским и феодосийским уездным кадием Сеит Смаил эфенди. Последний разглашал в горной части Феодосийского уезда, что когда неприятель займёт Севастополь, татары должны быть готовы к возмущению. Он был выслан в Курск.

Всего было выслано в Курск свыше ста человек, а в Екатеринославском тюремном замке было 49 татар за ограбление церквей, имений и т. п. и возмущение татар против России и 29 без объяснения причин высылки» [1, с. 32].

«Но, как свидетельствовал А. И. Маркевич, - бывали случаи и совершенно иного поведения татар, и в том же злосчастном Евпаторийском уезде. Так при транспортировке раненых из позиций близ Евпатории в Симферополь в Феврале 1855 г. татары деревень Котур и Камбар оказывали скорое и неусынное содействие в отводе квартир и предоставлении удобства, добровольно и охотно оказывали помощь раненым, в особенности в д. Камбар мурза Ислям Джаминский, а д. Котур поселянин Сеит Мамут Бекир-оглу. Они отдали добровольно лучшие помещения в домах, постели, одеяла, простыни, помогали сносить больных и разносить им пищу. Некоторые татары Евпаторийского уезда и других были впоследствии представлены к получению медали за усердие. Агаджан мурза Караманов (из д. Шули) получил золотую медаль на Владимирской ленте. Самое большое усердие и сознание гражданского долга обнаружил из татар помещик князь Мемет-бей Балатуков, который так изображал свою деятельность во время войны: 1) В апреле 1855 г. пожертвовал камень для устройства Чонгарского моста, 2) После занятия Евпатории неприятелем, при возникших в уезде беспорядках, был требуем неприятелем в Евпаторию для оказания услуг ему посредством влияния на татар, но, не обращая внимания на эти требования, жил в своем имении в д. Мамай, в 10 верстах от Евпатории, и всеми мерами старался удержать татар от беспорядков, водворял между ними спокойствие и вменял им быть преданными русскому правительству. Старания эти не остались тщетны: Балатуков достиг хоть того, что почти все татары, жившие в его деревнях, остались на своих местах, не делая никаких беспокойств, но сам испытал большую тревогу и боязнь наказания со стороны неприятеля, пока не пришел в Евпаторийский уезд русские войска. 3) Пожертвовал для войск действовавших у Севастополя, 7000 пудов сена и для войск, находившихся вблизи Евпатории, до 200 саженой соломы. 4) После дела 5 февраля 1855 г., бывшего под Евпаторией, дом свой в д. Мамай с мебелью и всеми удобствами отдал для помещения раненых и в полное распоряжение генералу Хрулеву, сам же с семейством переехал в другую деревню, совершенно неустроенную. 5) Несмотря на большие потери, понесенные в Симферопольском уезде, при д. д. Мамашай и Черкес-Кермен, по обстоятельству войн, делал ещё другие пожертвования, не столь значительные, и всегда считал себя счастливым, оказывая гостеприимство русским войскам. За все это князь Балатуков был награжден орденом святой Анны 3 степени.» [1, с. 32-33].

«Весьма симпатичной, - полагал А. И. Маркевич, - представляется и деятельность во все время войны Симферопольского городского головы татарина Мемет Абдул Умер-оглу, а также карасубазарского городского головы Джелала, который в начале войны успокоил русских обывателей города, заявив, что отвечает своей жизнью и состоянием, если кто из них потерпит малейшую обиду» [1, с. 33].

В отношении настроения крымских татар в Ялтинском уезде видно, что оно было «двусмысленно в течение всей войны. Но были и случаи бегства татар от неприятеля. Так в декабре бежали из Балаклавы трое татар, жителей д. Айргуль Ялтинского уезда, взятые неприятелем в плен у Контугана, когда они ехали с хлебом из Евпатории» [1, с. 33].

А. И. Маркевич также подчёркивал, что «На случай новой высадки неприятеля сделано распоряжение по Евпаторийскому отряду отослать назад за большую симферопольскую дорогу все перевозные средства: лошадей, верблюдов, рабочий скот, мажары и арбы. Как обыск, так и это расположение было вызвано ненадежностью настроения татар. ... Начальник 17 пехотной дивизии генерал Кирьяков, занимавший с

отрядом своим Чоргун, жаловался на непомерную дороговизну и трудность покупки фуража, при чем сообщал, что у жителей Чоргуна и в окрестных деревнях имеются запасы фуража, в особенности зернового, в достаточном количестве, но **жители единственно из нерасположения к войскам** (выделено нами – М. М.) утаивают его, или же берут неслыханную цену как за фураж, так и за доставку» [1, с. 34].

В пятом разделе работы А. И. Маркевич достаточно подробно останавливается на вопросе о мерах, связанных с созданием в Крыму госпиталей и заботе о помещениях «для больных воинских чинов» [1, с. 39]. Нас в этом контексте, естественно, интересует позиция представителей крымскотатарского населения. Так, например, известен факт, что Таврический губернский кадиэскер Сеит-Халиль эфенди изъявил желание отдать свой дом, занятый воинским постоем, под помещение раненых и больных (на 60 чел). Штаб-ротмистр Селямет мурза Крымтаев также отдал свой двухэтажный дом под больницу. [1, с. 43]. В приводимом А. И. Маркевичем списке домов, «бывших в Симферополе под госпиталями» имеются также дома крымских татар: штаб-ротмистра Аргинского и штаб-ротмистра Крымтаева. Кроме того, отделения лазарета были устроены также в числе прочих и в татарском училищном отделении [1, с. 45-46]. Интересен также факт, что штаб-ротмистр Селямет мурза Крымтаев, Мурат мурза Аргинский, титулярный советник Сеит-Халиль эфенди отказались от платежа, следуемого им за пользование их домами. Этот факт известен из донесения Симферопольской комиссии губернатору графу Н. В. Адлербергу от 30 мая 1855 года [1, с. 50].

Достаточно интересным в этой связи представляется также факт возбуждения в июне 1855 г. ходатайства конторами ряда военных госпиталей об устройстве при данных госпиталях бань. Показательно, что некоторые представители крымскотатарского населения откликнулись на ходатайство в Карасубазаре «была построена особая баня купцом 3-ей гильдии Халилем Аметом-оглу Касапом и городским старостой Смаилом Мемет оглу, которая обошлась им в 341 р. 20 к.» [1, с. 65].

Показательны также данные о пожертвованиях некоторых представителей крымскотатарского населения в пользу войск, больных и раненых. А. И. Маркевич писал: «Волостные головы и депутаты ногайского народа представили доверенность от своих обществ с уполномочием ходатайствовать у начальства о принятии предлагаемого ими пожертвования. Представители эти, выражая, кроме того, сожаление о беспорядках, произведенных их единоверцами, крымскими татарами, и непоколебимую свою преданность престолу и отечеству, просили, как милости, «не считать их наравне с татарами». Губернатор отправил их на позиции с чиновником Домбровским к князю Меншикову. 11 октября ногайцы были благосклонно приняты князем Меншиковым и заявили ему о пожертвовании ими 1000 штук рогатого скота. Выражена Высочайшая благодарность» [1, с. 92-93]. Известно также, что помещик Евпаторийского уезда князь Мамет-бей Балатуков пожертвовал 5000 пудов сена. Мурзы Перекопского уезда, в свою очередь, пожертвовали 700 пудов сена, 20 четвертей ячменя, 5 четвертей овса, 1 вола и 63 р. денег. Кроме того, купец 3 гильдии Халиль Амет-оглу Касап и городской староста Смаил Мемет-оглу на свой счёт отстроили при госпитале баню, которая обошлась в 341 р. 20 к. первый из них пожертвовал для карасубазарского и симферопольского госпиталей тюфяки, войлоки, подушки и рубахи, более 700 аршин холста, более 4 пудов корпии. «Состоя по выбору депутатом городского общества, он явил много примеров на пользу общественную и преданность престолу, в особенности после неприятельской высадки в Крым, содействовал успокоению жителей, которые были тогда очень встревожены, днем и ночью следил с некоторыми другими благонадежными людьми за спокойствием в городе, делал пожертвования проходящим войскам и по прибытии в Карасубазар раненых и больных до устройства госпиталя более месяца жертвовал для 40 человек слабых ежедневно хлеб и по кварте красного вина». Он был представлен к медали, но не получил по причине пропуска установленного срока. Жители всех наций и сословий поднесли ему благодарственное письмо [1, с. 94-95]. Известны и многие другие факты. Например, помещик мурза Карашайский из имения Бораган Сарабузской волости пожертвовал 1000 пудов сена. Государственные крестьяне – татары Айкишской волости Феодосийского уезда пожертвовали 100р., из них волостной голова 30 р. батыр мурза Ширинский – 50 р. Государственный крестьянин – ногаец Али Бердибулатов 50 овец. Бахчисарайский мещанин Девлетча Мустафа-оглу предложил свою баню с отоплением и водой для больных. Татарское общество Феодосии пожертвовало 30 р. и «разные вещи». Симферопольский кадий – 300 р. Таврический муфтий от магометанского духовенства – 1481 р. Дворянин Сеит Сале-бей Диванов предоставил пароволовую подводку на Дуванкойский пост на две недели. Бахчисарайский купец Каракаш 11 пудов холщовой ветоши. В угощении проходящих войск также принимали участие представители крымскотатарского населения, такие как: мурза Кипчакский, Ягмурча мурза Ураков, таврический кадиэскер титулярный советник Сеит Халиль эфенди, «добрейший мусульманин, который по духу и преданности может служить примером каждому русскому», как аттестовал его один из начальников проходивших команд (кроме частных угощений войск он пожертвовал до 1000 пудов сена и очистил на собственный счет два заброшенных колодца. А. И. Маркевич приводит «собственную его характеристику»: «Хотя я удалился в поместье свое Евпаторийского уезда в 1854 г., по расстроенному здоровью, но убежденный, что на всяком месте, на службе или в отставке, честный человек должен быть и полезным гражданином, делился во время войны с нуждающимися избытками своих средств, которые доставило мне мирное время и мудрые законы правительства и которые, по моему мнению, должны принадлежать правительству, в минуты опасности для отечества». Кроме того, он «приютил у себя семейства многих чиновников, бежавших из Евпатории, и их самих и частных лиц, защищал их во время нападения возмущившихся татар, в числе которых был один из мурз Булгаковых, угощал войска, пожертвовал 1000 пудов сена, очистил на собственный счёт колодцы, отпущал кирпич на постройку печей для войск, расположенных в его деревне, удерживал единоверцев в повиновении властям, в чем и успел, не жаловался на потравы и увоз 200 саженой соломы войсками и отдал бесплатно три дома своих в Симферополе для больных и канцелярии. Просил благодарности, «которая была ему дорога и служила бы примером для его единоверцев» [1, с. 97-101]. А. И. Маркевичем приводятся и другие сведения относительно пожертвований крымских татар. Так, например, крестьянин д. Боташ Евпаторийского уезда Капарий-Кая оглу в марте 1856 г. пожертвовал 40 четвертей зернового хлеба и 100

р. Кроме того он устроил 4 каменных моста «под бунты» для провиантского склада в д. Тагала. Жители Бахчисарая Сарачов и Асанов безвозмездно устроили баню для войск. Татары Евпаторийского уезда пожертвовали до 3000 р. и различных предметов приблизительно на 700 р. [1, с. 102-103]. Известно также, что ногайские общества Днепровского, Мелитопольского и Бердянского округов «пожертвовали 940 штук рогатого скота, который доставили в Крым и, по распоряжению штаба главнокомандующего войсками в Крыму, сдали в д. Дуванкой полковому провиантскому комиссионерству, каковой скот по ценности своей составляет сумму по меньшей мере 16000 р. серебром. ... Феодосийского округа татары пожертвовали хлеба 81 четверть, рогатого скота 46 штук, овец 66, топлива 180 возов и деньгами 1211 р. 13 ½ к.» [1, с.110]. Кроме того, крымскими татарами Феодосийского уезда Айкишской волости было пожертвовано «на улучшение пищи раненых 100 р., а татарами д. Тувака Симферопольского округа на тот же предмет 30 р. серебром» [1, с. 111].

Важным моментом в период Крымской войны было обеспечение Таврической губернии подводами. Поэтому десятый раздел своего фундаментального труда А. И. Маркевич озаглавил так: «Важнейшие наряды подвод от населения Таврической губернии...». Нас в этой связи интересует вклад крымскотатарского населения в это весьма важное дело. Известно, например, что в конце 1854 г. предводитель дворянства Евпаторийского уезда писал губернатору, что «при возмущении татар в этом уезде большая часть дворянских экономий потеряла расстройство и разорение, имения были разграблены татарами, и рабочий скот отнят, а также лошади и верблюды, вместе с тем те экономии, которые менее пострадали, и без того обременены подводною повинностью, многие даже не сделали посевов, большая часть имений мурз, бежавших в Евпаторию, вовсе не существуют, и просил облегчения евпаторийских дворян в поставке подвод в Симферополь» [1, с. 115]. «Поставка подвод с содержанием людей и волов на казенный счёт, - продолжает А. И. Маркевич, - продолжалась до половины августа. Магометанские дворяне не выставили ни одной подводы...» [1, с. 117]. Впрочем, ещё одним важным моментом было наличие исправных колодцев на дорогах. «Для надзора за колодцами были назначены солдаты **крымско-татарского дивизиона** (выделено нами – М. М.), а потом казачьи команды, которые должны были следить за целостью колодцев и корыт и сохранять сенокосы и хлеба от потрав. Но состояние колодцев по Перекопско-Симферопольскому тракту было всё-таки неудовлетворительно... Солдаты причиняли у колодцев много вреда: рубили канаты, бросали бадьи в колодцы, забирали приготовленный материал (например, в Богозе). Повреждали колодцы и крестьяне. Татарский надзор был недействителен, их прогоняли. Какие-то злоумышленники (не татары ли?) систематически повреждали колодцы в д. Япунджа...» [1, с. 124-125].

В ходе войны весьма важным моментом было принятие необходимых мер по охране «владельческих полей» и имений. Среди прочих мер известно также, что с целью «прекращения самовольных потрав и насилий командированы были на пути жандармы и казаки лейб-гвардии крымско-татарского эскадрона» [1, с. 135].

Достаточно остро среди иных проблем стояло снабжение армии фуражом и сеном. В этой связи представляется интересным факт, что комитеты по сенокосению неоднократно просили об освобождении крымскотатарских крестьян от работ по устройству шоссе и других повинностей [1, с. 155].

Необходимо также отметить, что в ходе сенокосения возникало также множества трудностей. В частности, «Евпаторийский предводитель объяснял затруднения комитета тем, что в самом начале сенокосения началось по распоряжению военного начальства выселение татар прибрежных селений, причём из многих имений выведены и русские крестьяне...» [1, с. 158]. А. И. Маркевич при этом замечал, цитируя отношение Таврического губернатора на имя губернского предводителя дворянства Куликовского: «К сожалению, надежды правительства на деятельность уездных комитетов (по сенокосению – М. М.) не повсеместно оправдались, а один из Комитетов, именно Перекопский (предводителем был Щепин) показал к этому важному делу странное равнодушие и невнимание, а сведения, полученные доселе от других комитетов, за исключением ялтинского (**бей Балатукоев**) (выделено нами – М. М.), феодосийского (Рудзевич), и отчасти симферопольского (Качони), отличаются какой-то неопределенностью, неполнотою, причем замечается нежелание продать в казну большее количество сена против того, сколько действительно можно продать» [1, с. 160].

Между тем так получилось, что государственные крестьяне в процессе выполнения «в огромном количестве» подводной повинности, не в состоянии поставить для перевозки сена в Бахчисарай, Дуванкой и на Бельбек достаточного количества подвод. Поэтому губернатор обратился за помощью помимо прочего также к магометанскому духовенству. «Но помощь эта, - замечает А. И. Маркевич, - по недостатку подвод у этих лиц не могла быть особенно существенной, и граф Адлерберг опасался, чтобы при сделанных уже жертвованиях и добровольно принятых различных перевозках колонистами, распоряжение это не возбуждало ропота этих сословий» [1, с. 162]. Кроме того, усилились спекуляционные покупки сена. Подозрение в спекуляции в числе прочих пало также и на крымскотатарского помещика Крымтаева: «Так, например, у помещика Крымтаева в Мамут-Султане было куплено 40 стогов сена за 6000 р. начальником одной команды – не менее 1 р. за пуд. По требованию генерал-интенданта Затлера произведено было следствие. С Крымтаева постановлено было в январе 1856 г. взыскать 3766 р., излишне перебранных против таксы. Крымтаев просил вторичного дознания, уверяя, что получил при продаже сена всего 4000 р., и возбудил вторичный иск. Дело окончено военным министерством в конце 1857 г. Крымтаев, за неимением точных доказательств к обвинению, от ответственности был освобождён» [1, с. 162-163]. Случались также и поджоги сена. Так, например, «При д. Булат у помещика Бейлера 1 октября сгорело 42 стога сена, уступленного в казну. Пожар произошел от неосторожности прибывших за сеном подводчиков – татар Евпаторийского уезда» [1, с. 165].

Известно также, например, что 24 ноября 1855 г. «главнокомандующий (М. Д. Горчаков – М. М.) предложил нарядить подводы для скорейшего доставления сена для довольствия войск, расположенных между Симферополем и Севастополем, и предлагал нарядить 2000 конных подвод от колонистов

северных уездов и 1000 от ногайских татар... Для сбора подвод назначены были три центральных пункта: Карасубазар, д. Конек Перекопского уезда и д. Михайловка Мелитопольского уезда. Молочанские и крымские колонисты и меннониты выставили совершенно исправно и вполне достаточное количество подвод. Магометанское духовенство было неисправно, отговариваясь недостатком подвод... Всего от магометанского духовенства поступила 781 подвода, но из них 77 негодных. По счету же интенданта Витте было этих подвод почему-то всего 400. Расписок подводчиком не выдавалось. Новый губернатор Жуковский послал строжайший выговор исправникам. ...Весной 1856 г. потребовалось дополнение не выставленных магометанским духовенством подвод до 1000. Муфтий просил об избавлении от этой повинности, и губернатор поддержал его ходатайство. Но затем снова были назначены подводы от магометанского духовенства (1000), от меннонитов 600, от колонистов 1400, от государственных крестьян северных уездов 4500 и от крестьян Симферопольского, Феодосийского и Перекопского уездов – сколько можно» [1, с. 167-168].

«От магометанского духовенства Симферопольского уезда, - подчёркивает А. И. Маркевич, - было выставлено в конце марта 1856 г. 73 подводы вместо определенных 200. Больше подвод у него не было вследствие падежа скота. Татары духовного звания Узеньбашской волости (дд. Узеньбаш, Коккоз, Маркур) умоляли губернатора освободить их от поставки подвод за полным оскудением.

Жуковский ходатайствовал об этом освобождении во внимание к их бедному положению. Из других уездов магометанские духовные выставили, сколько могли, подвод, частью приобретенных покупкой» [1, с. 169].

В начале августа 1856 г. по всему Крыму уменьшилось количество подвод, «несмотря на то, что степным татарам сделано пособие раздачей им купленных на казенный счет 1400 пар волов» [1, с. 174].

Достаточно интересны данные А. И. Маркевича относительно начавшегося в 1855 г. строительства шоссе между Симферополем и Севастополем: «Работы должны были начаться с февраля месяца, но только в мае этого года было выставлено до 1000 человек татар, которые занимались земляными работами. Татары плохо работали; особенно мешала урза – изнурительный месячный пост, наступивший с первых чисел мая. Затем рабочие были отпущены на 5 дней по случаю праздника рамазан-байрам. Таким образом, до июня было сделано очень мало...» [1, с. 178].

Известно также, что многие владельцы, на землях которых были построены бараки и землянки, просили «об отдаче их им в вознаграждения за потери, понесенные во время войны. Предложено взять бараки тем помещикам, у которых был срублен лес на их постройку. Помещики Брамс, Говоров, Мордвинов, Ревелиоти и другие отказались от вознаграждения за убытки, понесенные в их имениях во время войны. Город же Бахчисарай, помещики Балатуков, Биярсланов, Таш-Бастыньское общество и другие взяли бараки...» [1, с. 181].

Весьма важным моментом в ходе войны была ситуация с соляными запасами Таврической губернии. Так, «Коллежский ассессор Грамматиков подал главнокомандующему заявление, что из числа жителей д.д. Джанкой и Орта-Эли Феодосийского уезда два татарина намереваются передать неприятелю частную соль, сложенную в буграх при Тобечикском озере близ Керчи и Камыш-Буруна, занятых неприятелем, в 60 верстах от расположения наших войск. Соли там было, он говорил, до 500000 пудов. Были приняты меры надзора.

Ногайцы и жители Бердянска тайком брали ночью соль из ближайших озер, хотя первые могли пользоваться ею открыто по данному им в 1805 г. праву» [1, с. 183].

А. И. Маркевич приводит достаточно интересный факт: «В конце октября 1855 г. в виду близости жилых строений крестьян наследников Доброславского и поселенных там татар от поместий парков и патронной лаборатории и опасности с наступлением топкой печей, начальник парков просил переселить этих крестьян в другие деревни вблизи Симферополя... Дом Бурачкова очищен был в конце 1856 г., а имение Нестроева только в конце сентября 1857 г. Татары-поселяне, жившие в городе на квартирах, вернулись в Сарчи-Кият в 1857 г. и, по ходатайству губернатора, получили вознаграждение за понесенные убытки» [1, с. 196-198].

Известно также, что в связи с тем, что в июне 1855 г. в Симферополе «шталось много разного звания людей», которые «производили бесчинства, воровство, нарушали спокойствие жителей», в каждую часть города «наряжалось по 5 пеших солдат и 5 конных крымского эскадрона...» (лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона, если быть более точным – М. М.) [1, с. 199].

Патриарх крымского исторического краеведения в одном из заключительных разделов своего фундаментального труда писал буквально следующее: «18 мая (1856 г. – М. М.) управляющий государственными имуществами доносил губернатору, что евпаторийские татары – государственные крестьяне, узнав о дарованном им всемирнейшим прощении, не только не уезжали в Турцию, но на прибывших в Евпаторию из Турции за остальными татарами пяти пароходах возвратились оттуда 25 человек, которые объявили, что если бы турецкое правительство не удерживало, то все отправившиеся туда татары возвратились бы в Крым, и впоследствии при первой возможности возвратятся, и что все проживающие в Евпатории татары в бытность там союзных войск предавались распутству, волей и неволей, отчего заражались сифилисом. Решено было произвести освидетельствование всех татарок при принятии Евпатории через повивальных бабок, но ни одной сифилитической больной не оказалось. Здоровье жителей Беловодский нашел в удовлетворительном состоянии, болезней не было. Город был разорен совершенно, кроме немногих домов; стекол и мебели нигде не было. Нечистота, особенно там, где жили турки, была ужасная...» [1, с. 216].

А. И. Маркевич отмечал также следующее: «Байдарская долина была почти совсем оставлена татарами. Были случаи враждебного отношения их к войскам и по окончании войны. Так, в апреле 1856 г. был убит один казак и крестьянин. Христианское население этой местности находилось в тревожном состоянии. С другой стороны, южнобережные татары боялись насилий и репрессий, чем злоупотребляли греки Балаклавского батальона и казаки. Для водворения порядка в местах, близких к расположению

неприятельских войск, и по всему южному берегу Крыма был усилен военный постой...» [1, с. 223].

Между тем из данных от 10 апреля 1856 г., когда граф Строганов предложил губернатору доставить определенные сведения относительно того, что сделало население Таврической губернии, известно в числе прочего, что «крымские татары пожертвовали для составления конного подвижного парка 2500 лошадей и 963 седла; ногайцами же дано было с полным их содержанием 75 конных бричек» [1, с. 241].

В заключительном разделе своей работы А. И. Маркевич писал следующее: «Возмущение татар Евпаторийского и отчасти Ялтинского уездов представляется скорей результатом ловких действий турецких эмиссаров, влияний извне, чем сознательным политическим деянием» [1, с. 248].

Таким образом, мы можем иметь определенное представление о крымскотатарском населении в годы Крымской войны. Можно сделать вывод, что крымские татары в указанный период по-разному относились к российской администрации. Случались случаи недоброжелательного отношения, иногда – открыто враждебного. Были замечены факты коллаборационизма с союзниками по антироссийской коалиции. Впрочем, известны и факты плодотворного сотрудничества, а также лояльного отношения. Мы знаем также факты пожертвований со стороны крымских татар в пользу российских войск. Иными словами, нельзя сделать однозначного вывода. Положение крымскотатарского населения в годы войны было весьма сложным и противоречивым. Однако, без всякого сомнения, необходимы дальнейшие исследования в данном направлении. Мы знаем больше о коллаборационизме крымских татар в годы Великой Отечественной войны, чем во время Крымской войны. Так, мы знаем, что только в январе 1942 года немцы набобовали среди крымских татар 9255 человек [25, с. 58]. Всего же в германских вооруженных силах служило 15-20 тысяч крымских татар [25, с. 89]. О коллаборационизме в Крымскую войну мы знаем, в частности, из книги П. Н. Надинского «Очерки по истории Крыма», что «из татар-добровольцев в Евпатории под руководством англо-французских и турецких офицеров были сформированы специальные отряды «аскеров». Общая численность этих татарских отрядов превышала 10000 человек [26, с. 140]. И если с цифрами, приводимыми О. В. Романько никто не спорит – против 26 источников на немецком и английском языках спорить трудно, то с цифрой П. Н. Надинского спорят. Цифру эту, правда, приводит В. Е. Возгрин, но только для того, чтобы возразить П. Н. Надинскому. И главный аргумент В. Е. Возग्रин – у П. Н. Надинского нет ссылки на источник [27, с. 329]. «Мудро возненавидевший», по словам А. С. Пушкина свой народ и «нежно возлюбивший чужие народы» российский историк В. Е. Возгрин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом негодует на крымских татар за то, что они не последовали примеру чеченцев и не восстали против России, ведь, по его убеждению, «то, что для народа предпочтительнее был бы во всех отношениях возврат к османскому протекторату – бесспорно». [27, с. 329]. «Тем не менее, - пишет В. Е. Возгрин, восстания не последовало. В то самое время, как оно могло быть поддержано всей мощью союзников, среди которых были и единоверцы-турки. В то время, как на Кавказе армия Шамиля вела отчаянную войну, «принесшую жителям гор наибольшую славу» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание, т. XII, с. 119).

Безусловно, дальнейшие исследования проблемы необходимы. Много мы ещё не знаем. Но то, что большинство крымских татар во время Крымской войны думали не так, как К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Е. Возгрин – это факт. И факт не такой уж печальный. И не стыдиться, а гордиться должны крымские татары тем, что их предки в составе русских частей посрамили во время Крымской войны под Балаклавой лучших английских кавалеристов лорда Раглана. Из 700 англичан из боя вернулись чуть более 200, около 400 было убито, 60 ранено, 22 взято в плен. «Долиной смерти» для англичан сделали Балаклаву бойцы лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона [28, с. 123]. И слава эта ничуть не меньше славы чеченцев, воевавших в это время против России.

Интересно, что известный турецкий автор Хакан Кырымлы в опубликованной статье «О крымскотатарских войсках в составе османской армии в период крымской войны» писал в основном об осевших в Турции крымских татарах, 10 тысяч крымских татар в османской армии не заметил, писал лишь о 300 добровольцах в Евпатории [29, с. 301], а о крымских татарах в русской армии написал следующее: «Льготная часть эскадрона (лейб-гвардии крымскотатарский эскадрон – М. М.) под командованием ротмистра Омер Бея Балатукова 25 сентября 1854 г. принимала участие в обороне Севастополя. Эта часть была во фланге генерала Рыжова в сражении при реке Черной. В этом бою на Федюхиных высотах лейб-гвардии Крымскотатарский эскадрон, напав на английский драгунский разъезд, пленил его. В награду за это Крымскотатарский эскадрон был лично награжден медалями главнокомандующим князем Меншиковым. Узнав об этом, царь Николай I в ответе князю Меншикову писал: «Рад, что Гвардейские татары имели случай показать себя, и ты хорошо сделал, что наградил их» [29, с. 302]. На такой мажорной ноте и хотело бы завершить эту статью, повторив уже сформулированный вывод о необходимости дальнейших исследований в данном направлении.

Источники и литература

1. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны (по архивным материалам). – Симферополь: «Бизнес-Информ», 1994. – 272 с.
2. Кожекин А. Г. Севастополь 1854 – 1855 годы – чья слава? // УИЖ. – 1995. – № 3. – С. 153-154.
3. Он же. К врагу – по-человечески (опыт Крымской войны 1853-1856 гг.) // Гражданское общество и социальные права. – Симферополь: Крым. ин-т эконом., 1998. – кн. 2. – С. 81-84.
4. Гуркович В. Н. «Храбрым защитникам Веры, Царя и Отечества» (День памяти воинов, павших в годы Крымской войны) // Крымское время. – 1997. – 8 октября. – С. 15.
5. Он же «... В. Поляков, благодарный гражданин Украины» // Крымское время. – 1998. – 22 декабря. – С. 5.
6. Он же «За Веру, Царя и Отечество» // Крымская газета. – 1999. – 31 августа. – С. 3.

7. Гарагуля В. «Это настолько естественно – защищать свою Родину» // Крымские известия. – 1999. – 20 августа. – С. 10.
8. Вьюнишкая Л. Н. «За Веру, Царя и Отечество» // Крымская правда. – 2002. – 27 сентября. – С. 6.
9. Мальгин А. В. Крымская война – первая и последняя // Крым. – 2001. – № 1 (ноябрь). – С. 52-53.
10. Неживой А. Война, научившая извлекать уроки // Крымское время. – 1999. – 14 сентября. – С. 3.
11. Рябчиков В. Русская Троя // Крымская правда. – 1998. – 10 сентября. – С. 1, 3.
12. Он же. Пусть не вянут на братских могилах цветы // Крымская правда. – 1998. – 11 сентября. – С. 1, 3.
13. Поляков В. Е. Крымская война // Южный курьер. – 1996. – 5 июля.
14. Кружко Л. П. Братское кладбище на Перекопе // Крымские известия. – 1998. – 4-5 сентября. – С. 9.
15. Хриенко Т. Молодежь Крыма о Крымской (Восточной) войне // Крымская правда. – 2004. – 20 мая. – С.1.
16. Гурбова Л. В. Фонды ГААРК периода Крымской войны 1853-1856 гг. // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3-4. – С. 108-111.
17. Гурбова Л. В. Документальный памятник предкам // Крымские известия. – 2004. – 23 марта. – С. 4.
18. Ляшук П. М. Герои Севастопольской страды. – Симферополь: Таврия-Плюс. – 127 с.
19. Куртиев Р. Восточная война и крымские татары // Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы (Материалы международной научной конференции). – Симферополь, 1999. – С. 104-111.
20. Кырымлы Х. О крымскотатарских войсках в составе Османской империи в период Крымской войны // Голос Крыма. – 2003. – № 44. – 31 октября. – С. 7
21. Восточная война 1853-1856 годов. Сочинение генерал-лейтенанта М. И. Богдановича. Рецензия Н. Дубровина // Отчёт о двадцатом присуждении наград графа Уварова. Приложение к XXXIII-му тому записок императорской академии наук. – СПб., 1878. – С. 23-528.
22. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. – С.-Пб: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1900. – Т. III. – 478 с.
23. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник издаваемый комитетом по устройству севастопольского музея / Под ред. Н. Дубровина. – вып 4. – СПб., 1872. – 355 с. (142 с. прил.).
24. Дело о состоянии церквей и скитов епархий после Крымской войны 1853-1856 годов (31 мая 1860 – 15 марта 1861 г.) // ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5380, л. 1-27.
25. Романько О. В. Мусульманские легионы третьего рейха Мусульманские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1939-1945). – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – 92 с.
26. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Часть 1. – Симферополь: Крымиздат, 1951. – 232 с.
27. Возгрип В. Е. Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446, [2] с.
28. Масаев М. В. Кримські татари у збройних силах Росії (кінець XVIII – початок XX ст.) / Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. – Симферополь, 2002. – 209 с.
29. Хакан Кырымлы О крымскотатарских войсках в составе османской армии в период Крымской войны // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 43. – С. 299-302.

Прохоров В.В.

ФОРМА ОДЕЖДЫ И ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ КРЫМСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ

Одним из аспектов изучения истории правоохранительных органов Украины есть всестороннее исследование и объективное освещение организации и деятельности органов внутренних дел (ОВД) Крымской АССР в первой половине 1920-х годов. Составной частью организации ОВД полуострова тех лет являлось их материально-техническое обеспечение. Качественное и своевременное проведение которого, в исследуемый нами период оказывало прямое влияние на результаты оперативной деятельности органов рабоче-крестьянской милиции (РКМ).

Объективно и всесторонне данная проблема только лишь начинает изучаться, все это и обусловило **актуальность избранной темы.**

Целью работы является освещение и создание комплексной, целостной и научной картины всего периода организации и деятельности РКМ Крыма в 1921 – 1925 гг.

Новизна данной статьи состоит в первую очередь, в постановке самой проблемы и решении ряда конкретных исследовательских задач, касающихся организации и деятельности ОВД Крымской АССР, как вооруженного органа исполнительной власти большевиков. В данной работе, на основе архивных документов и материалов, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые, автором исследуются различные стороны исторического развития формы одежды и знаков различия РКМ автономии периода восстановления народного хозяйства.

Окончание гражданской войны в Крыму позволило большевикам сосредоточить свои усилия на работе по восстановлению разрушенного хозяйства. Однако, новые условия, создавшиеся в связи с окончанием войны и переходом к мирному строительству, вызывали необходимость пересмотра экономической политики государства в целом, с проведением широких реформ административного аппарата и правовой системы [1, с. 173].

С весны 1921 г. в Крыму, как и на большей части РСФСР, начинается процесс перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике [2, с. 63]. Набирающая, на полуострове, обороты новая экономическая политика потребовала от Крымского революционного комитета существенного изменения характера службы рабоче-крестьянской милиции организованной в конце 1920 г. Органы милиции Крыма, в новых условиях, из органов военного подавления, становились вооруженным органом исполнительной власти, как в центре, так и на местах. Последовавшие, вскоре, оперативные задания